

Каткова Л.В.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: laralina@list.ru*

Реализация принципа светского государства в РФ

В условиях возрастания роли религии в обществе представляется актуальным анализ вопросов реализации фундаментальных положений о свободе совести и вероисповедания. В современных государствах сложились разные законодательные модели и практика реализации принципов государства в отношении религии. В большинстве стран эти взаимоотношения закрепляются в текстах конституций, например, в Конституции Франции 1958 года, Конституции РФ 1993 года, Конституции Польши 1997 года, Конституции Венгрии 2011 года, Конституция Румынии, конституциях стран бывшего СССР: Конституции Республики Беларусь, Конституции Литовской Республики, Конституции Эстонии и других.

Первоначальным источником закрепляемых норм для конституций третьего поколения можно считать положения статьи 18 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10.12.1948 года Генеральной Ассамблеей ООН и провозглашающей, что "каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков".[1] Также важными документами являются Пакт о гражданских и политических правах 1966 года, относящий свободу мысли, совести и религии (ст. 18) к абсолютным правам человека, т.е. не подлежащим ограничениям во время чрезвычайного положения в государстве и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Безусловно, следует признать влияние общепризнанных международным сообществом принципов свободы совести и религии на национальное законодательство. В то же время, немаловажным фактором являются и особенности государственно-исторического развития страны, а также сложившиеся традиционные ценности, связанные с осознанием национальной идентичности.

Заложенные в Конституции РФ 1993 года нормы были призваны обеспечить социальную и конфессиональную стабильность общества, особенно в условиях обновления государственности, что определило закрепление в ней принципа светского государства, согласно статье 14 Россия - светское государство и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной. Эти нормы конкретизированы в Федеральном законе "О свободе совести и о религиозных объединениях" 1997 года.

Однако, само понимание свободы совести в теоретическом и практическом смысле является неоднозначным. С одной стороны, существует довольно давняя традиция ассоциировать свободу совести с вопросами веры и вероисповедания, что чаще всего и нуждается в правовом урегулировании, с точки зрения интересов, как государства, так и граждан. Особенно это значимо для многоконфессиональной России, где государству необходимо обеспечивать сосуществование и диалог между многочисленными представителями традиционного православия, ислама, ламаизма, других конфессий. С другой стороны, в последние годы формируется более широкое понимание свободы совести, при котором свобода вероисповедания рассматривается лишь как ее составная часть. Свобода совести в этом случае рассматривается как этическая категория - это право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле своих поступков и мыслей.[2] Такая позиция поддерживается различными авторами: А. Исаевой, С. Фоминой, А. Фроловцевой, И. Лебединец, С. Афанасьевым и другими. Так, С. Афанасьев отмечает четыре элемента свобод, связанных с мировоззренческим выбором: свободу вероисповедания, свободу совести, свободу религиозных и свободу мировоззренческих убеждений, которые находят отражение в позициях, например,

Федерального Конституционного Суда ФРГ. Последний защищает гражданина от принуждения действовать против собственного решения совести, основным признаком которого является ориентация на категории добра и зла, а также на внутреннюю привязанность человека к соответствующим убеждениям. В решениях Конституционного Суда РФ более широкого толкования не встречается, однако, отмечается, что свобода совести защищает не только господствующие в обществе религиозные и мировоззренческие убеждения, но и представления, которые не согласуются с такими устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями общества [3]. Следовательно, с более широкой точки зрения, свобода совести должна также обеспечивать возможность иметь атеистические взгляды и убеждения, а также право их высказывать, не рискуя быть привлеченным к ответственности в качестве оскорбителей чувств верующих.

Помимо различных теоретических подходов, довольно разнообразно складывается и практика реализации принципа светского государства. Ж.И. Овсепян [4], А.А. Исаева [5], И.В. Понкин выделяют детализированные классификации светских государств с точки зрения механизмов реализации этого принципа, что позволяет увидеть логические взаимосвязи между государственной политикой, законодательным регулированием, складывающейся судебной и правоприменительной практикой, наконец, восприятием со стороны общественных групп.

Особенность России, как светского государства, проявляется в законодательном закреплении нейтральности по отношению к конфессиям, но, в то же время, проникновении религии в различные сферы общественной жизни, публичном обсуждении религиозной тематики, фактическом признании источниками права установлений религиозных организаций.

Несмотря на устойчивую, в целом, ситуацию в сфере социально-конфессиональных отношений в современной России, А. А. Исаева отмечает потенциальные угрозы религиозной безопасности российского государства по ряду направлений, к которым автор справедливо относит религиозный экстремизм, миссионерскую деятельность, несовместимую с уважением к свободе мысли, совести и религии, деятельность традиционных религий, распространение ксенофобной информации, несоответствие конституционно закрепленных принципов государственно-церковной политики и практики ее реализации. В значительной степени условия для этого формируются несовершенством действующего законодательства и сложившимися в последние годы тенденциями его развития. Предпринятые изменения фактически оказались направлены на ограничение индивидуальной и коллективной форм реализации свободы совести, все больший отход от модели разделения государства и религиозных объединений к их партнерским взаимоотношениям. Как считает А. А. Исаева, сложившаяся "кооперационная" модель государственно-церковных отношений, предполагает ряд ограничений для нетрадиционных религий и поддержку отдельных религиозных организаций, что достаточно опасно для поликонфессионального российского общества.

В то же время, немаловажными с точки зрения социальной гармонии в обществе, являются отношения между верующими и неверующими, иначе говоря, возможность реализовывать право на свободу совести в широком смысле.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 года Генеральной Ассамблеей ООН) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
2. Лебединец И.Н. Свобода совести - абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 10. С. 168 - 174.
3. Афанасьев С.Д. Ценностные аспекты свободы совести в решениях Конституционных Судов России и Германии // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 2. С. 28 - 32.
4. Овсепян Ж.И. Конституционные статусы религий в современном мире (государства Европы, Азии, Индостана и Дальнего Востока) // Конституционное и муниципальное право. 2017. N 7. С. 34 - 44.
5. Исаева А.А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. N 9. С. 28 - 34., она же Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 10. С. 16 - 20.